

RU

Поэзия Василия Логинова: харбинский отголосок «Сатирикона»

Лощилов И. Е.

Аннотация. Цель исследования - определить художественную специфику поэзии «выпавшего» из истории русской литературы XX века журналиста, поэта и прозаика Василия Степановича Логинова (1891-1945/1946?), жившего и работавшего в Харбине. Научная новизна работы состоит в том, что в ней предложено переосмысление сложившихся в немногочисленной научной литературе стереотипов, восходящих к мемуарам современников. В результате показано, что поэтическое наследие Логинова представляет самостоятельную ценность и не менее значительно, чем его беллетристическая проза. На место Валерия Брюсова и «брюсовской школы» в осмыслении этой поэзии предлагается поставить в качестве определяющего влияние поэзии и поэтики авторов круга журнала «Сатирикон»: Саши Черного, Петра Потемкина и других. Принадлежность к сфере комического (ирония и сарказм) не отменяют высокой поэтической культуры и изощренной техники Логинова, сложившейся под влиянием теории и практики литературной работы его старших современников, среди которых Брюсов занимает важное, но не определяющее место.

EN

Vasily Loginov's Poetry: Harbin's Version of "Satirikon"

Loshchilov I. Y.

Abstract. The paper aims to reveal artistic originality of poetry by Vasily Stepanovich Loginov (1891-1945/1946?), journalist, poet and prose-writer who lived and worked in Harbin and was almost neglected by Russian literary critics. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher reconsiders the established stereotypes taking their origin from contemporaries' memories. As a result, it is shown that Loginov's poetical heritage has its own value and is not less important than his prosaic works. The researcher argues that Loginov's poetry should not be associated with Valery Bryusov and "Bryusov School", but should be considered in the context of poetics adopted by the authors of "Satirikon" magazine: Sasha Chorny, Pyotr Potyomkin and others. Humorous orientation of Loginov's poetry (irony and sarcasm) does not diminish his high poetical culture and refined poetical technique developed under the influence of his senior contemporaries, among which Bryusov occupies a significant but not a superior place.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной изученностью русских поэтов и писателей Дальнего Востока – эмигрантов стран Азиатско-Тихоокеанского региона. На частном случае и примере поэтического наследия Василия Логинова показана вписанность поэта старшего поколения «Молодой Чураевки» в широкий контекст литературного процесса Серебряного века.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, собрать библиографические сведения о почти забытом поэте Василии Логинове; во-вторых, извлечь из них некоторые «общие места», перешедшие из свидетельств и воспоминаний современников в немногочисленную, но все же существующую современную литературу о Логинове и его поэзии; в-третьих, определить эстетическую доминанту его поэзии и скорректировать сложившееся представление о нем как о поэте «брюсовской школы».

Материал и задачи работы диктуют контаминацию методов исследования: историко-литературного (рассмотрение поэзии Логинова в контексте харбинской литературной ситуации) и интертекстуального (выявление литературных реминисценций и аллюзий) – с приемами и методами «эстетической критики».

Теоретической базой исследования стали публикации отечественных и зарубежных ученых, в которых рассматривались биография Логинова и его поэтическое творчество: А. А. Хисамутдинова (2000), Е. П. Таскиной (2001), А. В. Колесова и Дяо Шаохуа (2001), А. А. Забияко и Г. В. Эфендиевой (Материалы..., 2012). В работе используются также методы стиховедческого анализа (Гаспаров, 2001).

Практическая значимость исследования заключается в том, что исследование и его результаты могут быть использованы в практике преподавания историко-литературных дисциплин, спецкурсов и семинаров. Поэзия Василия Логинова заслуживает пристального внимания, так как на ее материале наглядно видны механизмы культурного наследования.

Основная часть

Поэт, журналист и прозаик Василий Степанович Логинов (1891-1945/1946?) выпустил при жизни всего две поэтические книги, одну из них – под псевдонимом. Обе вышли в свет в 1932 году в Харбине (Капитан Кук, 1932; Логинов, 1932). Много лет спустя, в 1990 году известный издатель и собиратель эмигрантской литературы Эммануил Штейн (1934-1999) (см. о нем и о его издательской деятельности: Базанов, 2013) напечатал в своем издательстве «Антиквариат» (“Antiquary”, г. Оранж, Коннектикут) – сборник стихотворных посвящений Елене Александровне Жемчужной (Логинов, Обухов, 1990; см. рец. на это издание: Юпп, 1991, с. 17), хорошо известной к тому времени в американской академической среде как Елена (Хелен) Якобсон (Helen Lucy Jakobson; 1913-2002). Одним из двух авторов созданных полвека назад мадригалов был Василий Логинов. Однако еще в 1997 году Штейн (1997) резонно писал о них: «Первый из этих двух поэтов забыт почти всеми...» (с. 153). Одна из немногочисленных публикаций Логинова в России показательным образом озаглавлена фрагментом строки из его стихотворения «Одиночество», где на первый план выдвинут мотив *забвения*: «Мир – огромной короной забвенья увенчан» (Логинов, 2002) (курсивом выделено название подборки. – И. Л.).

Биографическая справка в антологии русских поэтов Китая гласит (см. также: Хисамутдинов, 2000, с. 187-188): «Логинов Василий Степанович (псевдонимы: Капитан Кук, Лингва; 28.6.1891, Екатеринбург – 1945 или 1946, Харбин). Происходил из семьи уральских купцов-золотопромышленников, владельцев крупных лесопромышленных предприятий и сам стал купцом-лесоторговцем (по его собственному выражению, “коммерческими способностями никогда не блистал”). Логинов учился в Петербургском университете на юридическом факультете (1908-1913). Первое выступление в печати в 1908 г. Печатался в газетах “Уральский край” и “Зауральский край”. Во время Гражданской войны жил во Владивостоке. В конце 1919 г. эмигрировал в Японию. В 1923 г. уехал в Харбин. Начал работать в журнале “Новости жизни” и в газете, издававшейся под тем же названием. Позднее работал за комматку при типографии и за гроши в газете “Гун-бао”. <...> Когда “Гун-бао” закрылась, Логинов впал в крайнюю бедность, “ходил в жутком тряпье, грязным оборванцем” (В. Перелешин). В начале оккупации Харбина советскими частями Логинова неоднократно вызывали на допросы. В последние месяцы жизни работал на железнодорожном топливном складе сторожем. Умер в харбинской больнице» (Русские..., 2001, с. 682-683). Об уральских предках и семье Василия Логинова см.: (Голдин, 2007, с. 138-139).

Логинов принимал участие в собраниях поэтов «Молодой Чураевки», но, как и Михаил Шербаков, воспринимался харбинской поэтической молодежью как старший – и по возрасту, и по литературному опыту: «Иногда выступал поэт Василий Логинов, который, особенно нам, молодым, казался Мафусаилом» (Волин, 1997, с. 220). Елизавета Рачинская начинает свои воспоминания так: «Хочется вспомнить здесь еще одного харбинского поэта и писателя, принадлежавшего к старшему поколению, но все свои зрелые годы проведенного в Харбине. И говорю о Василии Степановиче Логинове. Сын богатых фабрикантов – он был плохо приспособлен к трудовой эмигрантской жизни, да и по характеру своему мало подходил для систематической будничной работы. Он был настоящий представитель богемы: служить нигде не хотел, да, вероятно, и не мог, жил журналистикой, временами впадая в горчайшую нужду, но философски переносил лишения и неудачи» (Рачинская, 1959, № 16737, с. 2). Ей вторит Наталия Резникова: «К старшему поколению харбинских поэтов принадлежал и Василий Логинов. Припоминаю из его рассказов, что в прошлом он был богат – отец его был московским фабрикантом. Логинов был великолепно образован, много читал, страстно любил литературу и знал ее прекрасно» (Резникова, 1988, с. 390). А вот как вспоминала о нем Елена Якобсон – она же Елена Жемчужная, адресат посвящений Логинова и Обухова: «Образование он получил очень хорошее, классическое, читал по-латыни и по-древнегречески, но влачил нищенское и какое-то безысходное существование. <...> Иногда я вступала с ним в серьезные беседы о глубинном смысле моих любимых стихов, а русскую поэзию он знал прекрасно» (Якобсон, 2004, с. 81; оригинал: Jakobson, 1994, с. 65-66).

В литературе, посвященной Логинову, сложились два стереотипа. Оба восходят к прижизненной критике и авторам воспоминаний о «Молодой Чураевке», оба продолжают жить в современных обзорах и справках о поэте.

Согласно первому, «его поэтическое творчество слабее его беллетристики... Стихи его очень разные. Это – бытовые зарисовки из прошлого и настоящего, ностальгия по родным местам. <...> Его стихи не опалены горечью и болью, как у Арсения Несмелова или Марианны Колосовой. Он тихо и одиноко тоскует по родным местам и стремится к миру образов прошлого» (Таскина, 2001, с. 74). «Василий Логинов, автор отличных рассказов об освоении Урала и Сибири, едва ли вообще мог притязать на звание поэта», – писал поэт Валерий Перелешин (Валерий Салатко-Петрище, в монашестве Герман) (1972, с. 5), посвятивший Логинову шесть онегинских строф (L-LV) в «Песне седьмой» своей объемной автобиографической «Поэмы без предмета» (Перелешин, 1989, с. 338-340). Строфа LV завершалась так: «Я с Логиновым не был дружен: / мальчишеское озорство / меня толкало у него / в стихах искать кривых жемчужин / Теперь молюсь издалека / бесцельно – в память старика» (Перелешин, 1989, с. 340). Авторское примечание к словосочетанию «кривые жемчужины» состоит из одного, взятого в кавычки, слова: «“Перлов”» (Перелешин, 1989, с. 357). Как будет показано, восприятие

некоторых странностей словоупотребления в поэзии Логинова как «перлов» и lapsus'ов происходило от непонимания ее эстетической природы, связанной со сферой комического. В относительно недавней статье говорится: «Поэтическое творчество Логинова гораздо слабее, чем его беллетристика. Его стихи говорили о том же, что и рассказы. Человеческая сила, устремленность, бодрость – вот что воспевал поэт Логинов, чаще всего оживляя прошлое России» (Колесов, Шаохуа, 2001, с. 99–100).

Второй стереотип возводит генезис поэтики Логинова к Валерии Брюсову. Наталия Резникова вспоминала: «Логинов был великолепно образован, много читал, страстно любил литературу и знал ее прекрасно. Стихи его мне казались напряженными, написанными под сильным влиянием Брюсова, которого Василий Степанович очень ценил. О Брюсове, о теории стихосложения Логинов мог говорить часами» (Резникова, 1988, с. 390–391). Журналистка Евгения Сентянина (мать Валерия Перелешина), писала в харбинском журнале «Рубеж» о Логинове-поэте: «Он очень ясен и рассудочен. У него идея всегда перевешивает и звуковую, и образную сторону стиха. Он и сам признается, что любит... “читать чеканные стихи, / Которые измыслил строгий Брюсов”. И у него тоже стихи рождаются, как Минерва, – из головы. Отсюда их целомудренность, некоторая отрешенность и приподнятость» (Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты (1940)) (цит. по: Материалы..., 2012, с. 236–237). В изданной в 2001 году антологии русских поэтов Китая говорится: «Сборник стихотворений Логинова “Створа триптиха”... показывает поэта брюсовской школы» (Русская..., 2001, с. 683).

Задача этой публикации – поставить под сомнение, по крайней мере, второй из этих стереотипов (первый носит преимущественно оценочный характер) и предложить другую точку зрения на генезис и художественную природу поэзии Василия Логинова.

Если мы восстановим контекст приведенных Сентяниной строк стихотворения Логинова «Вечером», окажется, что они свидетельствуют не столько о приверженности Брюсову и «брюсовской школе», сколько о комической, на грани иронии и сарказма, доминанте его поэзии: «Сидеть. Мечтать. Читать чеканные стихи, / Которые измыслил строгий Брюсов. / Курить. Припоминать забытые грехи / И вин многообразье вкусов... / Как подвиги припоминать грехи, / Разнообразье дум, многообразье вкусов...» (Логинов, 1932, с. 45–46).

Имя Брюсова здесь, конечно, неслучайно, однако оно выполняет роль, сходную с ролью ряда имен великих людей прошлого в «Ламентациях» Саши Черного: «В книгах гений Соловьевых, / Гейне, Гёте и Золя, / А вокруг от Ивановых / Содрогаются земля» (Черный, 1910, с. 6).

Знакомство с двумя поэтическими книгами и доступными нам журнальными публикациями Логинова показывает его не столько «брюсовцем», сколько внимательным читателем журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», последователем и учеником сложившегося около них круга блистательных литераторов: Саша Черный, Петр Потемкин, Тэффи, эстетически близкий к ним Николай Агнiewicz. Это наблюдение не отменяет техническое ученичество у Брюсова, поэзию и труды по стихосложению которого Логинов, несомненно, хорошо знал – как, впрочем, и других «столпов» символизма (например, на сюжетной периферии рассказа Логинова «О любви и смерти» в качестве литературного персонажа является сам... Александр Блок).

Поэтическая техника и литературная рефлексия у Логинова сложнее и оригинальнее, чем у младших поэтов «Молодой Чураевки», не чуждых в рамках студийной работы изучения основ поэтической техники: «В студии царил сугубо деловая атмосфера, и поначалу основное внимание уделялось вопросам стихосложения, изучались труды В. Брюсова (“Основы стиховедения”), Б. Томашевского (“Теория литературы”), В. Жирмунского (“Теория стиха”) и “Рифма, ее история и теория”), А. Белого (“Символизм”) и практическое руководство Н. Шульговского (“Теория и практика поэтического творчества”). Объем знаний, которые стремились приобрести члены студии, значительно превосходил содержание соответствующих курсов филологических факультетов университетов. Хотя предполагалось, что теоретические знания должны быть приобретены всеми студийцами (чего, разумеется, в полной мере не было и не могло быть), главным в работе считалось владение поэтическим мастерством» (Слободчиков, 2005, с. 142). Е. Рачинская вспоминала: «У Логинова, как большого любителя поэзии, была одна книга, за которой я много лет безуспешно охотилась, ибо ее невозможно было достать в Харбине. Это “Теория Стихосложения” Шульговского. Логинов хранил ее, как зеницу ока и, терпя временами горчайшую нужду, ни за что не хотел расстаться с ней. Единственно, чего я могла от него добиться, это обещания, что если он задумает книгу продавать, то первой он предложит ее мне. В один холодный, зимний вечер, видно, дойдя “до точки”, Василий Степанович принес мне Шульговского, сам назначив за него цену. Книга эта до сих пор у меня, и пролистывая иногда ее страницы, я вспоминаю глуховатый голос Логинова, скандирующий стихи, сумрачный взгляд его маленьких глаз, его невеселую жизнь и одинокую, никем, вероятно, не оплаканную смерть, дату которой я даже не могу назвать (если не ошибаюсь, вскоре после 1950 г.), ибо она прошла почти незамеченной, так были полны те годы всяких других событий и тревог» (Рачинская, 1959, № 16738, с. 2). Руководивший занятиями поэтической студии «Чураевки» Алексей Ачаир, несмотря на интерес и почтительное отношение к технике стиха, оставался в этой сфере, вероятно, на уровне «постижения азоров». 28 марта 1927 г. он, например, писал Г. П. Гребенщикову: «Была у меня, помню, Шебуева “Версификация”, давно только... Да мне она не пригодилась, хотя, несомненно, многое я с удовольствием прочел» (цит. по: Росов, 2009, с. 244).

Функция «отточенности» у Логинова другая, чем у «парнасца» Брюсова или у акмеистов: она служит средством иронического остранения. Так, первый же стих открывающего «Створу триптиха» стихотворения, написанного по-брюсовски *изоцренными строфой и размером* (нечетные строки шестистопным ямбом с цезурой после 3-й стопы, четные – пятистопным, с цезурой после 2-й), иронически перифразирует Пролог «Жизни

человека» Леонида Андреева: «Пришедшие сюда для чистого искусства, / Для ярких грез, для радостной мечты...» (Логинов, 1932, с. 5). Ср.: «Н е к т о в с е р о м. <...> Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы и смеха. <...>» (Андреев, 1907, с. 7). Уместно вспомнить, может быть, что в годы вхождения в литературу (1906-1908) Петр Потемкин иногда подписывал свои сочинения забавно переименованным именем автора «Жизни человека» и «Анатэмы»: «Андрей Леонидов», а также строку «Подходит некто в сером, но по моде» из сатиры «В редакции толстого журнала» Саши Черного (Черный, 1910, с. 54).

«Харбин в стихах» – своего рода сатирическая физиология Харбина, ведущая свое происхождение не только от «Физиологии Петербурга», но и от сборника стихотворений «Герань» Петра Потемкина (Потемкин, 1912). Тот же Брюсов писал: «...г. Потемкин сразу сделался маленьким “мэтром”, создателем своего стиля и чуть ли не своей школы» (Брюсов, 1908, с. 78). Большая часть стихотворений сборника написана потемкинским раешным стихом «с непредсказуемой рифмовкой» (Гаспаров, 2001, с. 155), все они посвящены изображению характерных харбинских социальных типов и городских локусов. При несомненной *сатирической* доминанте, в стихотворениях сборника оставлено место *юмору*.

Знакомство с поэтическим наследием Василия Логинов показывает его отнюдь не «отрешенным и приподнятым» поэтом «брюсовской школы», как воспринимали его современники, но дальним и непредвиденным «отголоском» поэзии и поэтики «Сатирикона». Стихи Логинова отличает высокая версификационная культура и остроумие, а эстетическими доминантами оказываются *ирония* и *сарказм* («Створа триптиха»), *юмор* и *сатира* («Харбин в стихах»). Это объясняет и его приверженность традиции «альбомной поэзии», проявившаяся в блестящих – и не предназначенных для печати – посвящениях Елене Жемчужной (Логинов, Обухов, 1990, с. 10-33) и Лариссе Андерсен (Остров..., 1988, с. 60-70).

Заключение

Основные выводы работы могут быть сведены к нескольким положениям. Хорошая ориентация Василия Логинова в русской поэтической культуре 1910-х годов и дореволюционное университетское образование поставили его в преимущественное положение по сравнению с младшими поэтами, посещавшими поэтическую студию кружка «Молодая Чураевка». Стихи Логинова свидетельствуют о его высокой версификационной культуре, сформировавшейся под влиянием обширного чтения поэтов-символистов, в том числе – Валерия Брюсова, в то время как современники последовательно называли это имя едва ли не как единственное и определяющее. Логинов, в отличие от других чураевских поэтов, встроился в литературный мир русского Харбина с серьезным, на уровне своего времени, «багажом» чтения поэзии, как и книг по теории стихосложения. Однако, в отличие от «высокого склада» поэзии символистов, изощренная литературная техника не служит здесь решению теургических задач. Определяющим влиянием автору этой статьи представляется не брюсовское, но поэтов круга журнала «Сатирикон» (Саша Черный, Петр Потемкин, Тэффи, Николай Агнивцев), а художественная природа поэзии Логинова проясняется, если признать, что ее определяют *сатира*, *ирония* (*самоирония*) и *сарказм*. Драматизм личности и трагическая судьба Логинова, вероятно, диктовали современникам иной, не комический, способ прочтения.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы нам видятся в дальнейшем и более глубоком, «конкретном» анализе отдельных поэтических произведений Логинова, а также в спецификации и обобщениях, касающихся двух его поэтических книг; в их «фундаменте» лежит нечто общее, хотя современники воспринимали «Харбин в стихах» как собрание поэтических фельетонов, а «Створу триптиха» – как его «серьезное» проявление и лицо в качестве лирического поэта. Кроме этого, предстоит библиографическая работа по выявлению публикаций Логинова – как в харбинских изданиях, так и более ранних, в уральской и Санкт-Петербургской периодической печати.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

The publication is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF), project № 19-18-00127 “Siberia and Far East of the first half of the XX century as a space of literary transfer”

Источники | References

1. Андреев Л. Жизнь человека: представление в пяти картинах, с прологом. Berlin: J. Laryschnikov, 1907.
2. Базанов П. Н. Издатель, библиофил и библиограф русского зарубежья Э. А. Штейн // Труды Санкт-Петербургского института культуры. СПб.: СПбГУКИ, 2013. Т. 201. Книжное дело: вчера, сегодня, завтра.
3. Брюсов В. Дебютанты // Весы. 1908. № 3.
4. Волин М. Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 209.
5. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Изд-е 2-е, доп. М.: Фортуна Лимитед, 2001.

6. Голдин В. Н. Ял-мал - загадочная страна. О поэте и прозаике Василии Логинове // Голдин В. Н. Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007.
7. Капитан Кук [Логинов В. С.] Харбин в стихах (Бытовые картинки). Харбин, 1932.
8. Колесов А. В., Дяо Шаохуа. Поэты и прозаики Харбина: русская журналистика и художественная литература в 20-х годах XX века // Рубеж (Владивосток). 2001. № 1.
9. Логинов В. Коронай забвенья увенчан / публ. и предисл. В. Леонидова // Новая юность. 2002. № 5 (56).
10. Логинов В. Створа триптиха. Харбин, 1932.
11. Логинов В. С., Обухов В. Н. Елене.. / под ред. и с коммент. Эммануила Штейна. Orange: Antiquary, 1990.
12. Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики / сост., подгот. текстов и примеч. Г. В. Эфендиевой // Русский Харбин, запечатленный в слове. Благовещенск, 2012. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: сб. науч. работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой.
13. Остров Лариссы: антология стихотворений поэтов-дальневосточников / под ред. Эммануила Штейна. Orange: Antiquary, 1988.
14. Перелешин В. Конец Алексея Ачаира // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1972. Vol. LXII. № 22.825.
15. Перелешин В. Поэма без предмета. Холиок: Нью Ингланд Паблишинг и К°, 1989.
16. Потемкин П. Герань: книга стихов. СПб.: Издание М. Г. Корнфельда, 1912.
17. Рачинская Е. Замолкнувшие голоса: о харбинских поэтах // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1959. № 16737. 15 янв. (Продолж.); № 16738. 16 янв. (Оконч.).
18. Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал [The New Review] (Нью-Йорк). 1988. Кн. 172-173.
19. Росов В. А. «Полно охватить всю Сибирскую Русь»: «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал (Нью-Йорк). 2009. № 256.
20. Русская поэзия Китая: антология / сост. В. Крейд и О. Бакич. М.: Время, 2001.
21. Слободчиков В. А. О судьбе изгнанников печальной.. Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005.
22. Таскина Е. Василий Степанович Логинов // Русская Атлантида (Челябинск). 2001. Вып. 6.
23. Хисамутдинов А. А. Логинов, (псевдонимы Лингва, капитан Кук), Василий Степанович (28.VI.1891, Екатеринбург Пермской губернии - до 1946, Харбин) // Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: библиографический словарь. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2000.
24. Черный С. Сатиры. СПб.: Издание М. Г. Корнфельда, 1910.
25. Штейн Э. А. Поэты русского Китая (иконография) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 206.
26. Юпп М. Воскрешенные из небытия // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1991. № 28548. 12-13 янв.
27. Якобсон Е. А. Пересекая границы: революционная Россия - Китай - Америка / пер. с англ. и коммент. Е. Ю. Дорман. М.: Русский путь, 2004.
28. Yakobson H. Crossing borders: From Revolutionary Russia to China to America. Tenafly: Hermitage Publishers, 1994.

Информация об авторах | Author information

Лошилов Игорь Евгеньевич¹, к. филол. н.

¹ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

Loshchilov Igor Yevgenyevich¹, PhD

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

¹ loshch@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.10.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): Василий Логинов; Дальний Восток; комическое; литературные влияния; эмиграция; Vasily Loginov; Far East; comical; literary influences; emigration.